

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ ПРОФЕССОРА ПРИКАЗЧИКОВА

На старой почтовой открытке – две березки на юру, зеленеют над самым краем обрыва, даже корни обнажены. И голубое небо, и белые облака. И ничего бы в ней не было особенного, кроме разве что милых русскому сердцу березок, если бы не обратный адрес: полевая почта 29995А. И строгий штемпель: проверено. Сюда, в Астрахань, на улицу Абхазскую, 100, Приказчикову И.А. прислал из Германии эту немецкую открытку с русским сюжетом сын в конце мая сорок пятого года.

- Здравствуйте, Папа, Мама, Аня и Верочка! Шлю я вам свой пламенный гвардейский (фронтовой – зачеркнуто!) привет. Вчера получил от вас письмо и пишу ответ. Пару слов о своей жизни... Живем мирной военной жизнью. О доме еще пока, говорят, думать рано. Но, возможно, в этом году вернусь из армии. На этом кончаю. До свидания. Александр Приказчиков.

Демобилизован он был через год, в мае сорок шестого, и вернулся в родной Астраханский мединститут на первый курс, откуда и был призван в армию. В наших долгих беседах с самым известным астраханским кардиологом, заслуженным профессором, доктором медицинских наук Александром Ивановичем Приказчиковым его внимательная супруга Евгения Ивановна, заново переживая уже знакомые ей рассказы и боевые эпизоды его фронтовой биографии, не раз напоминала: “Да ты скажи, сколько тебе лет тогда было!” Первое ранение – в двадцать лет. Орден Красной Звезды – в двадцать два года, чуть позже – ордена Отечественной войны первой и второй степеней, восемь медалей, среди них – “За отвагу”. В мирное время к ним добавился орден Трудового Красного Знамени.

- Александр Иванович, как началась для вас дорога на фронт?

- Я в тридцать девятом году окончил в Астрахани 11-ю школу с отличием. Тогда золотых медалей еще не было, а были аттестаты с золотой и серебряной рамкой. Мне вручили аттестат с золотой рамкой. Без экзаменов поступил в мединститут на первый курс. Проучился один месяц, и приказ Сталина – все, достигшие 18-летнего возраста, призываются в ряды РККА, то есть Рабоче-Крестьянской Красной Армии, нынешняя молодежь эту аббревиатуру и не знает. И в день моего рождения, 12 сентября, получаю повестку – явиться в военкомат. Всех ребят с первого курса в том же году взяли в армию. Второго октября нас погрузили в эшелоны, в вагоны-теплушки и повезли на Дальний Восток до станции Борзя. Там нас обмундировали, помыли в походной бане, которая представляла собой палатку с душевыми установками и решетками на полу, чтобы не на земле стоять, туда накачивали горячую воду, а мыться разрешалось не более пяти минут, чтобы успеть пропустить всех солдат. А в это время брюки, гимнастерка, белье

жарятся в дезкамере, солдат получает новый комплект обмундирования. И на машинах нас отправили в Монгольскую Республику, где только что закончились бои на Халхин-Голе.

Две недели мы были на карантине, а потом примерно месяц в окопах. Затем отобрали нас со средним образованием и послали в полковую школу в Улан-Батор, где готовили артиллеристов, так я попал в 155-й кавалерийский полк, в полковую батарею 22-й дивизии имени Максима Горького. Окончил артиллерийскую полковую школу в июне. Мне присвоили звание сержанта - командира орудия. А в июле сорокового года наш полк с дивизией переправили в СССР, где мы оказались в Забайкальском военном округе на станции Хада-Булак. Здесь нам пришлось строить казармы, конюшни, столовые и так далее. Словом, три месяца весь полк работал на сооружении объектов, но к зиме мы уже были в тепле и даже построили солдатский клуб. Одновременно велись учения.

- Вы были участником знаменитого ноябрьского военного парада сорок первого года.

- Это одно из самых памятных событий того времени. Из Забайкальского военного округа наша дивизия прибыла эшелоном в Москву. Ехали на товарном поезде, набитом войсками. Два полка сразу влились в первый гвардейский кавалерийский корпус, которым тогда командовал генерал Павел Алексеевич Белов. Наш полк оставили в казарме на Хорошевском шоссе. Нам приказали почистить и привести в порядок лошадей, обмундирование. И примерно часов в пять утра нас подняли. Мы выехали верхом и в шесть утра были на Манежной площади напротив гостиницы "Москва". Только тут нам объявили, что будет парад.

Было довольно холодно, ветрено, градусов 15 мороза, шел снег и примерно в половине восьмого, часов у меня не было, вдруг слышим: выступает Сталин. На площади были репродукторы в виде колоколов. Сталин говорил неразборчиво, мы почти ничего не разобрали, доносились только отдельные слова, но в конце было хорошо сказано: пусть вас в этой борьбе осенит светлый образ наших предков Дмитрия Донского, Александра Невского, Суворова и Кутузова! Вперед, на разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам! Над площадью разнеслось троекратное "Ура!" На параде были московские ополченцы, полки, которые еще не отправились на фронт. Парад был без всякой подготовки. Снег густой, крупный. По Красной площади сначала прошла пехота, затем кавалеристы. Мы двинулись проходом мимо Исторического музея. Только выехали на Красную площадь, а лошади монгольские, полудикие, на площади оркестр играет, и от такой обстановки наши лошади занервничали, стали бросаться в разные стороны, никак не удержишь их в поводу. Но Сталина я увидел. Запомнилось, что он тогда был в фуражке, только воротник поднят. Еще подумалось, что не по погоде одет, холодновато

для фуражки. Проскакали мы по площади, прокричали “Ура!” А вечером переоделись во все фронтовое, надели валенки, сняли начищенные до блеска парадные сапоги. Некоторым дали автоматы, тогда у нас в основном были винтовки, и в ночь нас направили по Ленинградскому шоссе мимо речного вокзала. Немцы уже обстреливали его дальнобойной артиллерией. И мы сразу очутились в боевой обстановке. Освободили небольшой городок Солнечногорск и пошли дальше.

Когда танки Гудериана начали наступать на Тулу, нас бросили на ее защиту. Тулу тогда защищали ополченческие дивизии, кремлевские курсанты и другие учебные военные училища и наш гвардейский корпус генерала Белова. Немцы захватили недалеко от Тулы Воронью гору, примерно в 4-5 километрах от города. Установили пушки и обстреливали оружейные заводы. Наши “сорокопятки” стреляли по Вороньей горе, а потом кавалеристы атаковали ее, захватили орудия, взяли в плен немцев и тем самым сняли угрозу для города. Тут подошло несколько дивизий из Москвы, обстановка стабилизировалась.

Из-под Тулы нас выдвинули в Каширу. Снег той зимой был глубокий, лошади по брюхо утопали в снегу. Но среди нас были ребята-плотники, и вообще мастера на все руки, так они из березы сделали полозья по типу саней и на них установили орудия, прикрутили их проволокой. Вот так и осуществили переход - примерно 180 километров мы одолели за трое суток и прибыли на позиции. Там были уже подготовлены окопы, занесенные снегом. Потом подошла бригада полковника М.Е. Катукова, который затем стал маршалом бронетанковых войск, и вот с этой танковой бригадой мы начали наступление. Общее контрнаступление готовилось на 5 декабря, а мы уже 2 декабря начали наступать, освобождать города Алексин, Нарофоминск и другие. Потом двинулись с боями по направлению к Калуге.

- Здесь вас и ранило в первый раз?

- Да, это случилось 29 декабря сорок первого года у станции Тихонова Пустынь, километрах в восемнадцати от Калуги. Раненых погрузили в товарные вагоны, а 31-го приходят к нам офицеры и поздравляют с Новым, 1942 годом. Так мы прибыли в Москву, на Белорусский вокзал. Меня направили в первый коммунистический госпиталь, сейчас это Центральный госпиталь армии, а затем перевели в здание сельхозакадемии, она была эвакуирована в Среднюю Азию, а на ее базе разместилось несколько госпиталей. На дальнейшее лечение меня отправили в Горьковскую область, в Арзамас.

После Арзамаса я попал в запасной полк, а потом в свою 7-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию противотанковых орудий. После боев под Москвой нашей дивизии присвоили звание 7-й гвардейской.

- А другие ранения?

- За войну я был ранен три раза. Первое ранение в бедро. А второй осколок и сейчас сидит, вот уже сколько лет. Иду, нагибаюсь, а осколок звенит. А произошло так. Корпус наш был направлен на Брянский фронт. В это время немцы наступали на Сталинград, и чтобы отвлечь их силы и не допустить переброски отсюда дополнительных частей, мы начали контрнаступление в районе городка Белев, западнее Сухиничей. Места там красивые, описанные еще Тургеневым в “Записках охотника”, река Жиздра. Но нам любоваться было некогда. Мы копали и рыли окопы. Погода была паршивая, холодно, хотя и август, но мы шинели не снимали, а они были намокшие, шли дожди. И вот 23 августа нашей батарее приказано выйти на передний край и по немецким дзотам прямой наводкой открыть огонь по амбразурам. Мы выдвигались на позиции ночью. Немцы открыли минометный огонь. Командир взвода говорит: “Подержи мою лошадь, я сейчас вернусь” и побежал. Я свою держу в одной руке и его в другой. А мина попала прямо под лошадь командира. Лошадь подпрыгнула и рухнула на меня, а один осколок в меня угодил. Я упал, лошадь на меня свалилась, ее внутренности и кровь хлынули на меня. Лежу и не могу вытащить ногу. Тут подбежали солдаты: что с тобой? Говорю: кажется, царапнуло в бедро. Меня быстренько подхватили и потащили через ту самую реку Жиздру, потому что мост затоплен был. В медсанэскадроне меня перевязали. Погрузили в эшелон - и в Москву, в госпиталь. Здесь к нам приезжали артисты с концертами, и даже наш астраханский земляк Иван Любезнов выступал. В госпиталях старались делать все, чтобы раненые быстрее выздоравливали - и на фронт. Врачи определили, что у меня осколок, но пришли к заключению, что лучше его не трогать, чтобы не было осложнений. Антибиотиков тогда не было, в качестве антибактериального средства применялся сульфидин. Вот и сидит у меня осколок с 23 августа сорок второго года, сидит глубоко, примерно на 12 сантиметров, но кость не задета. И хотя прошло 60 с лишним лет с того момента, как он в меня влез, а ничего – так и сидит, вот только когда плохая погода, дает о себе знать, ноет. А звенит - это да, до сих пор позванивает.

Потом меня перевели в госпиталь для легкораненых, который располагался в доме отдыха работников авиационной промышленности за Мытищами, на станции Челюскинцев. Там я пролежал месяц. Сюда пришли вербовать артиллеристов, а я им уже был, имел медали “За оборону Москвы”, “За отвагу”, и нас прямо из госпиталя направили переучиваться в гвардейскую минометную бригаду. Готовили кадры для “Катюш”. Через две недели уже в качестве командира установки “Катюш” меня и еще нескольких артиллеристов направили в 3-й гвардейский минометный полк “Катюш”, который входил в состав 3-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием легендарного генерала Исы Александровича Плиева. Этот корпус стоял под Серафимовичем, северо-западной Сталинграда. Я

прибыл туда 14 ноября 1942 года. Все дороги были заполнены нашими войсками, везли боеприпасы. Чувствовалось, что готовится большое наступление. И уже 19 ноября наш полк “Катюш” участвовал в артиллерийской подготовке. Мы вели массированный огонь - на один километр было 170 стволов орудий. Против нас стояла румынская армия. Ее смяли. Сначала пехота, затем танковый корпус генерала Вольского с нашим корпусом рванули в этот прорыв. Мы стали наступать на Калач, форсировали Дон, и в районе хутора Евлампиевский соединились с войсками Юго-Западного фронта. Мы были в составе Донского фронта, которым командовал К.К. Рокоссовский, а Юго-Западным командовал А.И. Еременко. Часть нашего корпуса была направлена на сжатие кольца, а мы на внешнем обводе теснили и сдерживали немцев, чтобы они не прорвали кольцо, захватили Калач. Дальше в боях наш корпус поредел, осталось процентов 30 личного состава, остальные раненые, убитые.

У нас в полку было три Героя Советского Союза, звание им было присвоено посмертно. Это наводчик Бородулин, командир Светличный и водитель Назаренко. В боях за освобождение Белоруссии, когда нас окружила власовская дивизия, их установка загорелась и они в горящей машине героически продолжали вести огонь и сгорели заживо. Произошло это восточнее города Борисова Витебской области, у города Сенно. Нас, ветеранов полка, приглашали в Белоруссию на юбилей, но я не смог поехать из-за операции.

- Кого-нибудь из известных маршалов вам доводилось видеть?

- Георгия Константиновича Жукова я впервые увидел в Монгольской Народной Республике в декабре 1939 года. Он тогда был комкором, командиром корпуса. Запомнилось, как он делал доклад о боях на Халхин-Голе и привел в пример японцев: учитесь окапываться у японцев. Они, действительно, окапываются, как до них никто не окапывался. Жуков был молодой, всего 44 года, всегда подтянут, строг, порой суров. Это мы определяли по тому, как у него на голове сидит фуражка. Если надвинута на лоб, лучше к нему не подходи, а если обычно, значит, настроение хорошее. Константина Рокоссовского впервые увидел на реке Березине, когда мы ее форсировали. Первый и второй Белорусские фронты находились примерно в километре друг от друга. Немцы разбомбили обе переправы. А восстановлением переправ руководил генерал-майор саперных войск. Потом стало легендой, как это было. “Если через полчаса переправа не будет готова, расстреляю”, - скомандовал Жуков. А Рокоссовский вежливо, культурно: “Я прошу вас как можно быстрее сделать переправу”. И оказалось, что для 2-го Белорусского фронта переправа была восстановлена раньше, чем для 1-го Белорусского. Война войной, а человеческий фактор и здесь играл свою роль.

На войне, уточняют сейчас историки, погибло 20 миллионов человек. Только из моей родни на фронте погибло шесть двоюродных

братьев. И сегодня из военного призыва 41-45 годов нас осталось очень мало. Вот фотография 46-го года. Первый курс Астраханского медицинского института, это студенты-фронтовики. В первом ряду слева направо - старший лейтенант Геннадий Назаров, майор Герман Львов, гвардии старший сержант Александр Приказчиков, ефрейтор Анатолий Арапов, во втором ряду Сергей Кириосов, лейтенант Анатолий Шитов, старшина Виктор Сучков, Василий Колесников, Андрей Салаякин. Стали кандидатами медицинских наук Львов и Назаров, докторами медицинских наук, профессорами Сучков, Приказчиков. Многих из них уже нет в живых.

- Но астраханцы помнят их как прекрасных врачей, замечательных специалистов своего дела, хотя многие, возможно, и не догадывались, что эти доктора не только спасали жизни и здоровье людей в мирное время, но совсем юными спасли мир от фашизма.

- После Сталинградской эпопеи наш корпус, сильно потрепанный, отвели на отдых, на формирование, после чего включили в состав Степного фронта, которым командовал Конев. На Курской дуге, в день контрбатареинной подготовки, наш полк “Катюш” тоже вел огонь по немцам. Затем нас перебросили на Смоленское направление. Мы освобождали города Ельню, Смоленск, и одна из наших дивизий – 32-я – получила название Смоленской. После этого наш корпус начал наступать на Белорусском направлении в районе Невеля. Осенью сорок третьего года велись тяжелые бои в так называемом Городокском коридоре - шириной местами примерно до шести километров, а в глубину до 120 километров. Наш корпус был как раз на острие этого Городокского коридора. Дороги были плохие, а немцы уже подтянули войска. И здесь мы вели бои около месяца.

- Расскажите, пожалуйста, за что вы получили свой первый орден?

- В конце декабря 1943 года корпус потерял до 60 процентов личного состава, и его начали отводить, а артиллерийские части, в том числе и наш полк “Катюш”, остались на боевых позициях. И вместо нас пришли дивизии среднеазиатских формирований, которые еще никогда не участвовали в боях. А первого января сорок четвертого года немцы, до сих пор помню название той деревни Дворищи, открыли сильный, просто ужасающий огонь. Снег почернел. И пехота дрогнула, побежала. Мимо нас, помню, бежал полковник и кричал: “Братцы, пощадите мои седины!” А я был на НП, наблюдательном пункте, который находился сзади пехоты, а тут мы оказались впереди отступающей пехоты. Немцы кричат: “Сдавайся, рус, сдавайся!” И уже окружают. А было два наблюдательных пункта – наш и истребительного противотанкового полка. Нас было двадцать семь человек на НП. Вели огонь из автоматов, отбивались гранатами. И командир нашей батареи Виктор Борисович Воскобойников командует: “Давайте вызывать огонь на себя!” Я диктую радисту: “Белка, Белка! По Копчику огонь!” И наши ударили! Блиндаж был, как и в песне фронтовой пелось, в три наката, окопы.

Командира нашего - Воскобойникова убило, да и многих наших. Мне придавило ногу. Зато больше двухсот немцев полегло вокруг НП, и пехота остановилась. Стала продвигаться вперед. Здесь меня и ранило в третий раз. Было это в январе сорок четвертого, я кровь из валенка вылил, портянки выжал, перевязали меня на НП, а там справок не давали, и снова в бой. Воскобойникова посмертно наградили орденом Боевого Красного Знамени, а я за этот бой получил орден Красной Звезды.

Летом сорок четвертого года наш корпус находился уже в составе 3-го Белорусского фронта, которым командовал Иван Данилович Черняховский. Тогда он был генерал-полковник. И мы 21 или 22 июня начали наступать в районе Богушевска. Взяли его, потом город Борисов. В районе Борисова форсировали Березину. За взятие Гродно нашему корпусу присвоено название Гродненский. Бои тут были сильные. Действовали танковые корпуса.

В сентябре мы вступили в Восточную Пруссию, в знаменитые Августовские леса. Особенно сильные бои были 7 ноября под городом Голдап. Немцы создали тут какую-то голубую завесу, и наши думали, что это газовая атака. По радию всем приказ: надеть противогазы! А противогазов-то к этому времени ни у кого уже и нет, давно их побросали. Машины химзащиты примчались, привезли противогазы. Но оказалось, что никаких боевых газов и не было, всего лишь редкая и счастливая на фронте ложная тревога, ложный выпад противника. Когда нас перебрасывали в Восточную Пруссию, мы попали в окружение. Особенно в тяжелом положении был наш корпус в Августовских лесах, по ту сторону Немана, в Польше. В Августовских лесах в первую мировую войну, в 1914 году, погибла целая армия русского генерала, запомнил фамилию. Тут и нас окружили отборные немецкие дивизии "Мертвая голова", "Викинг" и вновь взяли город Гродно, который мы до этого освобождали. Подошедший 2-й Белорусский фронт снова восстановил силы. А мы семь дней были в окружении, было тяжело, много было раненых, у кавалеристов – на повозках, а у нас - на машинах. Уже и боеприпасы кончались. Мы били из "Катюш" прямой наводкой. Нам шашкой махать не приходилось. Мы, артиллеристы, били иногда по площадям по карте. Залп одной батареи равен 182 зарядам. Зона воздействия одной батареи – 300 гектаров сплошного поражения. Особенно если немцы шли в атаку, тут мы им подпускали огоньку из родных "Катюш". Когда меня принимали в партию в марте сорок четвертого года и спросили, сколько фашистов я уничтожил, я сказал: "Мы, артиллеристы, фашистов штуками не считаем, а ротами и батальонами". "Вот это правильно", - заметил партийный секретарь. В кандидаты я был принят как раз под Невелем в ноябре сорок третьего года. И в марте сорок четвертого мой кандидатский стаж был всего лишь четыре месяца. Но по решению ЦК на фронте принимали в

партию с кандидатским стажем в три месяца, потому что до года, как по уставу, многие не доживали. Я вступил в партию в двадцать два года, был членом партбюро полка, а когда убили нашего парторга капитана Яковлева, я шесть месяцев исполнял обязанности парторга полка, будучи командиром орудия. Это было в Польше и в Восточной Пруссии. Смотришь список коммунистов, едва ли не против каждой второй фамилии – убит, убит, убит, реже – ранен. Солдаты говорили, что наши сорокапятки, 45-миллиметровые противотанковые орудия, – это смерть немцам и капут расчету. Пехота может залечь, а мы на виду, никуда не скроешься. Давайте выпьем за всех, кого нет с нами. В составе 2-го Белорусского фронта под командованием Константина Константиновича Рокоссовского мы тоже наступали на Восточную Пруссию, но с юга, а не с востока, как до этого. Участвовали во взятии Алленштайна, в боях за Кенигсберг, я награжден медалью “За взятие Кенигсберга”. А оттуда вышли на город Данциг, на Данцигскую бухту. Потом наш корпус воевал в Померании, на польском берегу Балтийского моря, и в апреле сорок пятого мы форсировали Одер, а там есть Ост-Одер и Вест-Одер. Весна, был разлив, и между этими двумя Одерами пойма километра в два шириной вся залита водой. Саперы строили переправу, наводили понтонные мосты. Короче говоря, южнее Штеттина мы форсировали Одер и начали наступать уже на запад.

Наш 2-й Белорусский фронт не участвовал во взятии Берлина. Для спасения Берлина с американского фронта была отозвана немецкая армия Венка, и наша задача была нанести контрудар по армии Венка. С боями мы успешно продвигались вперед, и в ночь с 1 на 2 мая вышли на берег Эльбы в районе города Ленцена.

- *А как встретили День Победы?*

- В ночь с 8 на 9 мая я был дежурным по части. Командир полка меня предупредил: “Ожидается срочное сообщение. В случае чего – немедленно сообщить”. Мы размещались в каком-то бывшем господском доме, у меня был хороший приемник. Дежурю, как положено, слушаю. И вот ночью торжественный голос Левитана, даже в самом тоне ощущалась радость: “Война окончена! Победа!” Сразу звоню командиру полка. Тот велит приказать горнистам играть тревогу. Все повскакали, полк построился на плацу. Машины фарами освещают плац, светло, как днем. Да и светало рано. Тут же митинг, восторг, радость в глазах и боль за убитых, за погибших наших товарищей, которые не дожили до Победы, хотя все сделали, чтобы ее приблизить. Потом разошлись по батареям, накрыли столы. Вин было не перечесть, даже французское шампанское салютовало нашей победе. Нет, словами не передать того, что чувствовали мы в тот благословенный миг. И даже сейчас, спустя шесть десятков лет, память хранит все до мельчайших деталей. Мне было тогда всего-то двадцать три года. Когда сейчас я гляжу на своих студентов, моих ровесников тех фронтовых, суровых и пороховых, лет, уже и самому не верится, сколько

боев, сколько километров, сколько потерь и побед было в этом возрасте у моего поколения.

Потом нас перевели в Польшу, где поднялась армия Крайовы. Мы непосредственно в боях с ними не участвовали, а кавалеристы наши участвовали. Там мы стояли в городе Любляне, а в начале ноября нас вывели в Советский Союз – в район Шепетовки, Новгорода, где мы несли службу.

- Когда для вас началась мирная жизнь?

- Только в мае сорок шестого я вернулся домой, в Астрахань. И поступил в родной Астраханский медицинский институт – снова на первый курс. Учиться было интересно, и уже на третьем курсе я был сталинским стипендиатом. Если общая стипендия была 220 рублей теми деньгами, то я получал 780. Окончил институт с красным дипломом и поступил в клиническую ординатуру. К слову, ординатором я получал всего 680 рублей зарплаты, меньше, чем стипендиатом. После двух лет в ординатуре меня назначили ассистентом кафедры госпитальной терапии, которой заведовал мой профессор Сергей Вячеславович Шестаков, позже он стал заслуженным деятелем науки. В пятьдесят девятом я закончил кандидатскую диссертацию “Повторные инфаркты миокарда и их предупреждение”, в 60-м ее успешно защитил в Куйбышеве. А с 1962 года уже возглавил кафедру пропедетики и внутренних болезней. Спустя восемь лет защитил докторскую диссертацию. Автор 68 научных работ и одной методической разработки. В 1971 году мне присвоили звание “профессор”, а в 93-м – “заслуженный профессор”.

...А я листаю пожелтевшие от времени, бережно сохраняющиеся в семейном архиве листы благодарностей с портретом товарища Сталина: Приказчикову Александру Ивановичу, участнику боев за освобождение городов Хойнице и Тухоля в Западной Польше, участнику боев в Померании. Дважды объявлена благодарность “за отличные боевые действия при овладении городов Шлохау, Штегерс, Хаммерштайн, Бальденберг, Бублиц, Нойштеттин, Прехладу”. Дважды благодарность “за отличные боевые действия при вторжении в Восточную Пруссию”. Благодарственное письмо “доблестному воину Красной Армии, участнику боев с немецко-фашистскими захватчиками, сражавшемуся в рядах 2-го Белорусского фронта” за подписью маршала Рокоссовского... С гордостью показывает Александр Иванович великолепно изданную книгу о Москве – это подарок от мэра столицы Лужкова, который во время своего визита в Астрахань попросил разыскать участников сражений за Москву и лично вручил каждому книгу. Газетные рамки не позволяют полностью привести текст прощального напутственного письма, а жаль, потому что слова эти сегодня так необходимы ветеранам:

- Ты оставляешь родной полк и корпус. Героем, победителем возвращаешься к родной семье... Родина не забудет твоих дел, потомство с

восхищением будет вспоминать твои ратные подвиги... Тебя встретят как воина-победителя, как прославленного солдата, с почетом, с любовью. Ты заслужил эту славу.

Давайте же всегда помнить: наши ветераны заслужили эту славу. И приумножили, как Александр Иванович Приказчиков, как его сокурсники по мединституту, как многие, для которых мирный труд стал продолжением ратных подвигов.

Н.Куликова
09.02.2005 Волга: №18 (24718)